

Н. А. СЕРНО-СОЛОВЬЕВИЧ И РУССКИЙ КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМ НАЧАЛА 1860-х ГОДОВ

Статья посвящена малоизученному эпизоду истории русской общественной мысли 1860-х годов — идейным взаимоотношениям видного публициста революционно-демократической направленности Н. А. Серно-Соловьевича с известным эмигрантом — либералом-конституционалистом П. В. Долгоруковым. В работе впервые публикуется нелегальное письмо Долгорукова Серно-Соловьевичу и подробно анализируется содержание документа и общественно-политический контекст, в который он вписывается. Автор также, основываясь на ранее не использовавшихся источниках, доказывает, что начало 1860-х годов было не только временем решительного размежевания русского «образованного класса» на либералов и революционных демократов, но и периодом постоянных, хотя и безуспешных попыток сгладить эти расхождения во имя общей цели — борьбы с самодержавием. В стремлении создать подобную коалицию, по мнению автора, и заключался смысл взаимоотношений Долгорукова и Серно-Соловьевича.

В отечественной историографии долгое время господствовала точка зрения, согласно которой суть общественной борьбы в России 1860-х годов состояла в непримиримом конфликте между революционной демократией, с одной стороны, и реакционерами и либералами — с другой. Либерализм и революционная демократия рассматривались как враждебные друг другу (особенно с 1861 года) идейные монолиты. Чтобы относительно адекватно представить историю русской общественной мысли, обратимся к максимально широкому кругу публицистических, мемуарных и эписто-

лярных источников, проливающих свет, в частности, на взаимоотношения революционного демократа начала 1860-х годов, Н. А. Серно-Соловьевича и либералов-конституционалистов. Особое внимание будет уделено отношению к публицистике Н. А. Серно-Соловьевича видного эмигранта-конституционалиста П. В. Долгорукова и журнала «Отечественные записки», выступавшего за «перемену образа правления в России». Данная тема практически не отражена в отечественной историографии, за исключением нескольких скупых упоминаний¹.

Период конца 1850-х — начала 1860-х годов явился для России временем «кризиса верхов». Необходимость реформ признавалась большинством «образованных классов» (главным образом дворянством) и многими чиновниками. Однако вопрос о методах и темпах предлагавшихся перемен вызывал многочисленные споры. Одной из важнейших проблем, дискутировавшейся в то время, стала судьба самодержавия в условиях намечавшихся преобразований. Некоторые публицисты и «либеральные бюрократы» полагали необходимым на некоторое время сохранить абсолютизм, освобождающий крестьян как единственный гарант защиты от произвола дворянской олигархии. Видный славянофил А. И. Кошелев заявлял в 1858 года: «Мы за самодержавие, потому что освободить крестьян (дело самое важное для нас) может только самодержавие. Представительство теперь у нас невозможно, ибо в нем будет играть роль дворянство, самое гнилое у нас сословие»². С Кошелевым солидаризовался его постоянный оппонент, западник К. Д. Кавелин: «Я <...> буду всеми силами стоять за существующий беспорядок, то есть за все реформы, но против конституции»³. <...> Вся моя забота в том, что теперь, в эту минуту, конституция невозможна общая, для всех классов народа, а одна дворянская немыслима»⁴. Отметим, что и Кошелев, и Кавелин в принципе не отрицали необходимости конституционализма для России, считая «просвещенный абсолютизм» наименьшим злом по сравнению с дворянской олигархией.

Подобная позиция импонировала либеральной бюрократии, некоторые представители которой использовали аргументацию А. И. Кошелева и К. Д. Кавелина. В этом плане характерны высказывания Д. А. Милютина в частной беседе с сотрудниками газеты «Русский

инвалид» в 1863 году: «Я, конечно, не разделяю этих (конституционных — Л. Г.) стремлений не потому, что вообще был противником конституции — кто же из просвещенных людей станет порицать эту форму правления — а потому, что если будет у нас когда-нибудь конституция, то это должна быть конституция настоящая, демократическая. По моему убеждению, давать политические права одному сословию и не давать его другим было бы и несправедливо и вредно»⁵. Несмотря на то, что Д. А. Милютин не отрицал необходимость для России конституции, политическая практика свидетельствовала о стремлении либерального чиновничества сосредоточить власть в своих руках. Особенно решительно действовал брат Д. А. Милютина, Н. А. Милютин, когда в ходе проведения крестьянской реформы он резко порицал стремление части дворянства принять участие в подготовке преобразований. Для него политическая самостоятельность какого-либо сословия была неприемлема. Он откровенно это высказывал: «Никогда, пока я стою у власти, я не допущу каких бы то ни было притязаний дворянства на роль инициаторов в делах, касающихся интересов и нужд всего народа. Забота о них принадлежит правительству; ему и только ему одному принадлежит и всякий почин в каких бы то ни было реформах на благо страны»⁶. Н. А. Милютин часто приводил афоризм французских бонапартистов «Tout pour peuple, rien par peuple» («все для народа, ничего посредством народа»)⁷, передававший его политическую линию и одновременно отражавший историческую концепцию власти в России, априори более прогрессивной, нежели общество.

Петербургское правительство, таким образом, воспринимало себя в роли организатора реформ, наталкивающегося

на сопротивление отсталой страны. Тем самым подтверждалось и своеобразие исторического пути России. Удачно резюмировал эту теорию особого пути России в 1859 году известный публицист Н. Ф. Павлов: «Что делалось у других снизу, у нас шло сверху. У нас власть в той форме, в какой она подвигла Россию на чудеса ее истории, сама возбуждала движение вперед и была поборницей, исходным началом нововведений по всем отраслям образованности. У других власть имела консервативный характер. <...> У нас, напротив, в обществе, в народе, был виден принцип коснения, в правительстве — принцип движения»⁸.

Подобное отношение российской бюрократии возмущало тех либеральных дворян-нечиновников, которые, как и братья Милютины, были сторонниками освобождения крестьян с землей, поскольку они оказывались в таком случае оттесненными от принятия важных решений. Отзвуки этих разногласий ощутимы в мемуарных отзывах одного из лидеров тверских либералов А. М. Унковского, когда он отзывается об Н. А. Милютине: «Это был истинно даровитый человек, но чиновник. <...> Он не имел кроме чиновничьего иного образа мыслей, не знал кроме канцелярии других способов. А ведь известно, раз канцелярия вмешается в дело, тормоз уже готов. <...> Поэтому-то с Милютиным не легко было вести дело»⁹. Среди дворянства, стремившегося к участию в подготовке преобразований, были представлены две основные группы — феодально-аристократическая¹⁰ и либеральная. Их объединяла резкая антибюрократическая риторика, а разъединяло отношение к будущей роли высшего сословия в пореформенной России. Консервативная часть дворянской оппозиции стремилась сохранить свои приви-

легии и не допустить разрушения прежней сословной системы. Либералы же, особенно тверские дворяне, считали необходимым создать союз всех сословий против бюрократии и отказаться от закрепленных законом привилегий. У тех и других возникали идеи модификации или даже ограничения самодержавия.

Часть дворянского сословия была готова согласиться на отмену крепостного права и освобождение крестьян с землей лишь под условием получения гражданских прав. Анализируя расстановку сил в России перед проведением реформ, К. Маркс задавал в 1858 году риторический и вместе с тем пророческий вопрос: «Что если дворяне вздумают настаивать на своем собственном политическом освобождении как на предварительном условии всякой уступки царю в деле освобождения своих крепостных?»¹¹. Это суждение оказалось более чем пророческим. В мемуарной литературе и публицистике второй половины 1850-х — начала 1860-х годов мысль о необходимости политического вознаграждения дворян за отмену крепостного права превратилась в некий рефрен. А. В. Никитенко в 1859 году сформулировал ее достаточно определенно: «Правительство должно открыто и смело удовлетворить некоторым желанием (sic!) образованного класса, как оно открыто и смело удовлетворило нуждам низшего посредством эмансипации»¹². А публицисту С. С. Ду-дышкину удалось выразить не только своевременно, но и афористично стремления части либерального дворянства: «Право образованного сословия должно заменить право на крепостных»¹³. Интересно, что многие сторонники этой точки зрения несколько не сожалели об отменяемом крепостном праве, напротив, их не удовлетворяла недостаточная, по их мнению, последовательность властей.

Политическая программа некоторых оппонентов «либеральной бюрократии» включала требования свободы слова и печати, отмены телесных наказаний и (в противовес практически общепринятой идеализации «просвещенного абсолютизма») созыва бессловесного земского собора. Впервые подобная программа была предложена обществу в 1858 году на страницах журнала «Колокол», в анонимной статье «Реформа сверху, или реформа снизу?» В этой статье обосновывались уже знакомые по рукописным и напечатанным за границей сочинениям таких либералов, как К. Д. Кавелин и Б. Н. Чичерин, требования свободы слова и печати, и оригинальность публикации заключалась в новой и полемически заостренной постановке основной политической проблемы России: «Как ни важен, как ни настоятелен вопрос об уничтожении крепостного состояния — вопрос этот не единственный, разрешением которого мы интересуемся. Реформы в одном этом деле нам мало; мы хотим освобождения не одних 11 миллионов (sic!), а всех 60 000 000, хотим, чтобы не одни дворяне были лишены права воровать и сечь, но чтобы и чиновники лишились права грабить и эксплуатировать другие классы»¹⁴.

Данное заявление, по существу, было публичным ответом части либерального дворянства реформаторскому крылу бюрократии. В нем отчетливо проявилось недоверие к чиновничеству, которое может воспользоваться отменой крепостного права исключительно для усиления своего произвола и подавления любых зачатков оппозиции. В целом статья «Реформа сверху, или реформа снизу?», напечатанная в «Колоколе», стала вехой в истории русской общественной мысли — «Великих реформ». В ней принципиально по новому решалась проблема «самодержавие и реформы»,

поскольку абсолютизм рассматривался уже не как необходимый инструмент преобразований, а как препятствие для любых значимых перемен: «весь либерализм автократа (самодержца — Л. Г.) может заключаться лишь в стремлении к половинной реформе то есть такой, которая, касаясь второстепенных, укоренившихся на почве самодержавия, представляла бы самое самодержавие неприкосновенным»¹⁵. Позитивная программа автора была выражена достаточно четко: «Хотим правильного государственного устройства, которое не зависело бы от произвола одной головы, возвышающейся над 60 миллионами голов, а утверждалось бы на неколебимых основаниях справедливости и положительного закона»¹⁶. Отметим, что автор, смелый в отрицании самодержавия, очевидно, сознательно не использовал термин «конституция». Причина, вероятно, состояла в том, что идея немедленного введения конституции в России тогда не встретила бы поддержки не только большинства либеральных публицистов, но и самого А. И. Герцена, в конце 1850-х годов, признанного почти непререкаемым авторитетом в реформаторских кругах. Эмигрант верил в «демократическое и социальное самовластие»¹⁷ и холодно отозвался о статье¹⁸. Однако конституционалистские настроения постепенно усиливались, и в начале 1859 года Герцен напечатал в «Колоколе» (уже без критического примечания) сочинение, в котором предлагалось изменить правление в России кардинально. Автором этого произведения был видный общественный деятель Н. А. Серно-Соловьевич.

В статье Н. А. Серно-Соловьевича прямо говорилось о необходимости введения политических и гражданских свобод. Автор писал: «...Говоря иностранными словами — это конституция: по-нашему — это правильное государст-

венное устройство»¹⁹. Как видим, для публициста термины «конституция» и «правильное государственное устройство» — синонимы. Хотя признание превосходства представительной формы правления над абсолютизмом и не было чем-то новым для либеральной публицистики, призыв к немедленному введению конституции в России прозвучал в конце 1850-х годов впервые.

Известный историк начала XX века А. А. Корнилов скептически оценил программу Н. А. Серно-Соловьевича: «В сущности говоря, здесь конституции нет; собственно, ни о представительном правлении, ни о каких бы то ни было законных гарантиях здесь не говорится»²⁰. Такая оценка, на наш взгляд, является спорной и основана на недоразумении, ведь в проекте предусматривалось создание парламента, который рассматривал бы все законопроекты и утверждал бюджет: «Ответственность всех органов управления, начиная с министров. <...> Право проверки над сбиранием (sic!) и расходом платимых народом в казну денег. <...> Право контроля над изданием новых законов»²¹.

Эти тезисы, особенно вопрос об общественном контроле над финансами, в дальнейшем получили последовательное развитие в трудах Серно-Соловьевича, но после выхода статьи в свет его антисамодержавные взгляды не вызвали резонанса. Однако уже в следующем 1860 году русский конституционализм автора получил мощную и громкую поддержку нового эмигранта, П. В. Долгорукова, привлечшего к вопросу о ликвидации российского абсолютизма внимание не только русской, но и западноевропейской публики. Книга П. В. Долгорукова «Правда о России», сначала дважды изданная на французском языке, а затем и в русском авторском переводе, была направлена против либеральных бюрокра-

тов с их идеями сохранения абсолютизма после освобождения крестьян: «В большое заблуждение впали те, которые воображают, что можно заняться одним уничтожением крепостного состояния, не приступая немедленно же к преобразованию частей судебной и административной, не приведя финансы в порядок <...>. Подпорки, полумеры уже никуда не годятся и только могут ускорить падение здания. Остается одно средство спасения: приступить к перестройке немедленной и разумной»²². Четко выразилась мысль о необходимости предоставления политических прав дворянству и другим сословиям в обмен на освобождение крестьян с землей: «Простодушная, детская ошибка императора Александра Николаевича, который хочет освободить низшее сословие, не освобождая высшие сословия, и воображает себе возможность перестроить фундамент здания без перестройки высших этажей жилья. <...> Монархия, чтобы пребыть прочною, не может состоять вполнину из людей свободных и вполнину из рабов; необходимо, чтобы все были свободными или все были рабами»²³.

Излагая свои взгляды на положение России, Долгоруков рассматривал два возможных пути ее развития: или бессловная конституция, или кровавая революция. Поскольку книга была написана живо и увлекательно и в ней содержались намеки и указания на конкретные лица и события, кроме того, излагалась конкретная политическая программа, она пользовалась успехом в Европе. Ее появление совпало с усилением в 1860 году консервативных тенденций в политике петербургских властей, репрессиями против тверских либералов А. М. Унковского и А. И. Европеуса. Подобные события разрушали веру в реформаторские возможности самодержавия.

А. И. Герцен, не мог не отреагировать на сочинение П. В. Долгорукова и напечатал в «Колоколе» отзыв, свидетельствующий о пересмотре им своих взглядов на конституционализм: «Автор полагает, что мы, как социалисты, не будем согласны с его конституционными стремлениями. Мы думаем, напротив, что есть обстоятельства, при которых нельзя избежать этих переходных форм <...>. Мы думали, что петербургское императорство могло еще сослужить одну службу, разрубая им самим скрученный узел крепостного состояния. <...> Наше самодержавие оказалось недоросшим до энергического решения <...>. Такую власть надобно взять в опеку, пока она не наделала больше бед»²⁴. Значение этого заявления чрезвычайно велико. Герцен отказывался от своего прежнего равнодушия к политическим формам правления и фактически выражал солидарность со сторонниками конституции. Особенно же важно то, что подобные утверждения прозвучали в «Колоколе», каждая фраза которого вызывала живой интерес в России. Немногочисленные конституционалисты, постоянно оказывавшиеся в меньшинстве во время политических споров, почувствовали поддержку Герцена. К тому же, появился новый энергичный публицист — П. В. Долгоруков, посвятивший свою деятельность в эмиграции пропаганде введения в России конституции. Эти обстоятельства ободрили и Н. А. Серно-Соловьевича, ощутившего, что его идеи стали актуальными. В одном из писем он удовлетворенно отмечал, вспоминая дискуссии в салоне К. Д. Кавелина: «Все было против меня. Теперь Долгоруков в своем «Конституционном правлении» доказывает необходимость конституционного правления»²⁵. В 1861 году Серно-Соловьевич выступил в легальной печати с почти незамаскированными

конституционными требованиями, что вызвало достаточно широкий общественный резонанс и заставило высказаться по этой проблеме представителей различных политических сил.

1861 год стал временем весьма опасным для самодержавия. Он отмечен выступлениями крестьян, недовольных реформой 19 февраля; брожением среди дворян, жаждавших политических прав и боящихся за будущее своего сословия; волнениями в Польше; недовольством в Великом княжестве Финляндском; финансовым кризисом; активным распространением запрещенных изданий. Положение в Европе контрастировало с настроениями петербургских властей; пали неограниченные монархии в Неаполе и Тоскане и появилась конституция в Австрии — ранее цитадели абсолютизма. Все это позволило П. В. Долгорукову торжествуя обратиться к своим читателям в России: «В настоящее время во всей Европе самодержавие уступило место конституциям, за исключением одной Турции. <...> В наш век, вне конституционного порядка нет спасения для правительств»²⁶. Настроения же «образованных классов» России в 1861 году удачно резюмировал А. А. Шилов: «Казалось, что все русское общество, весь русский народ настроен революционно или, по крайней мере, оппозиционно к правительству. <...> Поколебалась и уверенность, что само правительство возьмет в свои руки осуществление реформ в широком масштабе»²⁷.

Особенно тяжелым было состояние государственных финансов. Неудачные попытки заграничных займов, бюджетный дефицит, бесконтрольность и утаивание бюджета вызывали негативную реакцию в обществе, которая проникала даже в легальную печать. Недовольство состоянием финансов высказывали известные публицисты, правда, прибегая к

«эзопову языку, например, в форме некомментируемого цитирования иностранных публикаций. Так известный либеральный обозреватель «Отечественных записок» С. С. Громека ссылаясь на английскую прессу: «Желательно было бы <...>, чтоб русское правительство сообщало более подробные сведения о своих финансах, подробнее тех сведений, которые находятся в руках у публики: нет сомнения, оно много выиграло бы от этого. <...> Народ, желающий заключить заем в иностранной земле, обязан доставлять самые подробные сведения о своем внутреннем положении»²⁸. По существу, это было требование гласности финансового отчета властей. И все же, несмотря на свою смелость, это требование не противоречило устоям самодержавия, поскольку за ним не следовало более значимое — необходимость общественного контроля за бюджетом. Подобный контроль, несовместимый с абсолютизмом, могла гарантировать только конституция. Об этом и заговорил Н. А. Серно-Соловьевич в опубликованной в 1861 году, в июньском номере «Современника», статье «Размышления по поводу статьи г. Шилля о государственном или земском заемном банке». Формально статья была посвящена частным вопросам банковского дела, но содержала критический обзор финансового положения страны.

Общественная реакция на эту статью продемонстрировала определенное единодушие в оценке финансового состояния страны. Противостояние революционных демократов и либералов не отразилось на обсуждении сочинения Серно-Соловьевича. Середина 1861 года — это не только время полемики между «Современником» и его оппонентами, но и период попыток объединения оппозиционных сил. Выпуск прокламаций «Великорусса», в которых выдвигалась про-

грамма союза «передовых прогрессистов» и «конституционистов», не единственное доказательство подобных тенденций. Реакция на эту статью Н. А. Серно-Соловьевича виднейшего эмигранта-конституционалиста П. В. Долгорукова и журнала «Отечественные записки», проповедовавшего конституционные идеи в подцензурной печати, свидетельствуют о том, что основа для консолидации оппозиционных политических сил действительно существовала.

Рассмотрение вопроса о близости взглядов Н. А. Серно-Соловьевича и П. В. Долгорукова по финансовому вопросу, и шире — об идейных взаимосвязях их публицистики представляет интерес для отечественной историографии, так как дает возможность отойти от схематизма при анализе общественно-политической ситуации накануне реформ 1860-х годов и таким образом более точно воссоздать события тех лет.

Обратимся к весьма интересному для нашей темы неопубликованному документу. Это сделанная Третьим отделением императорской канцелярии выписка из перлюстрированного письма «Александра Тростенского» Н. А. Серно-Соловьевичу от 26 августа 1861 года. Приведем ее полностью: «Я с восхищением прочел статью Вашу в июньской книжке «Современника». Ура вам! Все русские, прочитавшие вашу статью, отдают ей полную справедливость. Мне рассказывали, что Петр Долгоруков (я с ним не знаком) хочет перевести целые страницы из вашей статьи в книгу, которую этот негодяй собирается издать, как уверяют, в будущем 1862 году под заглавием (если не ошибаюсь): «Les hommes et Le choses en Russie en 1860 et 1861». Наполеон в Биаррице беспрестанно прогуливается то пешком, то в кабриолете, коим сам управляет; народ около его толпится и встречает его с не-

---

отразимую симпатию; на бесстрастном лице Наполеона ничего прочесть нельзя, а между тем готовятся большие события: положительно готовится ломка светской власти папы; с поляками французское правительство более в ладу чем когда-либо. С Кошутом и Клапкою также и с Швециею стачка самая короткая, только на каких основаниях, этого еще узнать нельзя. Ветхое европейское здание положительно трещит. Здесь, во Франции, теперь идут большие переговоры между правительством и партией умеренных республиканцев. Если сии последние согласятся сблизиться с правительством, причем от них требуется признание наследственности верховной власти, а во всем прочем им обещается сочувствие и поддержка, если переговоры эти придут к успешному концу, тогда Дума законодательная будет распущена, и на новых выборах правительство будет поддерживать кандидатов из умеренных республиканцев. Многие из этих последних не соглашаются принести присягу, необходимую по закону, и для предъявления кандидатства на выборы, и для поступления в Думу. Другие из умеренных республиканцев рассуждают следующим образом: «отчего и не присягнуть ему? Ведь он, вступая на престол, присягал всему французскому народу, следовательно, в том числе и нам. И так, присяга выходит дело взаимное». Излагаю вам здешнее положение дел, не входя ни в какие рассуждения»²⁹.

Эта эпистола, на первый взгляд не представляющая серьезного политического значения, вызвала пристальное внимание полиции. Сразу же было установлено, что «Тростенский есть псевдоним князя Петра Долгорукова, и письмо это писано его рукою»³⁰. Незадолго до перлюстрации письма, из которого мы привели выписку, произошли события, поставившие под угрозу тайную пере-

писку П. В. Долгорукова с его корреспондентами, жившими в России. Она ненадолго оказалась под контролем петербургских властей.

Дело в том, что вторая половина 1861 года стала для П. В. Долгорукова периодом попыток объединить в конституционалистский союз различные реформаторские течения. Он обращался с призывами о создании широкого блока и к славянофилам³¹, и к авторам «Великорусса»³². Подобное объединение, как считал Долгоруков, могло быть основано на общности мнений «о неполноте эмансипации, о непредоставлении народу тех прав самоуправления, которые ему бесспорно следуют, и о расширении тяжкой и без того власти бюрократии»³³. Князь стремился установить конспиративные связи со своими единомышленниками в России. К ним он относил, прежде всего, тверских либералов во главе с А. М. Унковским и А. И. Европеусом. Долгоруков написал им соответствующие письма, которые и попытался передать через жену Европеуса. Однако она была задержана на таможне, и власти конфисковали переписку. В этих письмах Долгоруков раскрыл свой псевдоним «Александр Тростенский»³⁴. Естественно, после этого полиция знала, кто скрывается под неизвестной фамилией Тростенского и заинтересовалась адресатом эмигранта³⁵.

Обратим внимание на то, что в письме к Н. А. Серно-Соловьевичу П. В. Долгоруков маскирует свое авторство, он упоминает о себе в третьем лице и в негативном контексте. Князь преднамеренно избегает оценочных суждений. Однако все предосторожности оказались тщетными, было ясно, кто автор письма. Текст письма не дает оснований для суждений о степени знакомства двух публицистов, и письмо составлено в манере «тайнописи». Единственное, что можно

утверждать определенно, привлекая также анализ сочинений Долгорукова начала 1860-х годов, — это то, что он неоднократно положительно отзывался о Серно-Соловьевиче и об его сочинениях³⁶. Кульминацией стал восхищенный отклик на статью о состоянии русских финансов в «La Presse», что объясняется совпадением взглядов обоих авторов на бедственное состояние бюджета империи и на пути выхода страны из финансового кризиса.

Свое обещание перевести на французский язык «целые страницы» из статьи Н. А. Серно-Соловьевича князь исполнил, хотя «Les homes et les choses en Russie en 1860 et 1861» так и не вышло в свет (Долгоруков, однако, сумел издать в 1862–1863 годы пять номеров франкоязычного органа «Le Veridique»). 10 октября 1861 года в распространенной парижской газете «La Presse» было помещено открытое письмо Долгорукова, в котором, в частности, говорилось: «В июньской книжке русского журнала «Современник» помещена статья г. Серно-Соловьевича, посвященная финансовому кризису. Молодой и умный писатель, по вине цензуры, не был достаточно свободен при рассмотрении всех причин кризиса и путей выхода из него, однако он смог замечательно охарактеризовать ситуацию, и мы приводим первые строки его описания»³⁷. Далее следовала обширная цитата во французском переводе. Итак, Долгоруков полностью солидаризовался со статьей Серно-Соловьевича, осудив вмешательство в нее цензуры. Такую же оценку дал статье Н. П. Огарев, продемонстрировав близость взглядов «Колокола» к долгоруковской публицистике: «Хоть и видно, что кой-где цензура мешала, но какое благородство тона, определенность и ясность (sic!) изложения»³⁸.

С «Современником», в котором была напечатана статья Н. А. Серно-Соловьевича, в 1861 году вела полемику вся либеральная пресса. Однако это произведение вызвало положительные отклики даже противников взглядов идеолога журнала — в частности, Н. Г. Чернышевского. Это неудивительно: общественная и литературная жизнь того времени была далеко неоднозначна. Между либералами и революционными демократами (на вторых обычно акцентируется внимание) в начале 1860-х годов существовали не только серьезные расхождения, но и точки соприкосновения. Неслучайно даже в резкой статье публициста одного из ведущих либеральных журналов — «Отечественные записки» — Н. В. Альбертини, обращенной к Чернышевскому, указывалось: «Я убежден в том, что в наших с вами стремлениях нашлось бы нечто такое, на чем бы мы могли видеть в себе людей, идущих к одной цели, хотя и разными путями. <...> «Современник» и «Отечественные записки» не любят одного и того же»³⁹. «Методом исключения» Альбертини приходил к выводу, что оба журнала объединяет общая «нелюбовь» к существующему в России строю. Соответственно «Отечественные записки» стремились огульно не критиковать «Современник», а высоко оценивали публикации этого издания, не противоречившие либерально-конституционным взглядам. Примером может служить характеристика статьи Н. А. Серно-Соловьевича: «Автор опровергает проект г. Шилля о банке и опровергает дельно <...> с таким тактом, добросовестностью и, главное, знанием дела и достоинством написана статья эта»⁴⁰. Причиной единодушия столь разных публицистов, как Н. П. Огарев, П. В. Долгоруков и авторы «Отечественных записок», стала сме-

лость статьи Серно-Соловьевича, удивительная для подцензурной печати.

Как представляется, крайняя близость в это время Н. А. Серно-Соловьевича и П. В. Долгорукова незаслуженно не замечена в отечественной историографии. Хотя она и может видаться лишь одним из многих штрихов к характеристике общественно-политической ситуации в России накануне «Великих реформ», однако это — существенный штрих, позволяющий по-новому взглянуть на процесс размежевания различных идейных группировок.

Исследователи ранее не обращали внимания на очевидное сходство между статьями Н. А. Серно-Соловьевича и эмигрантской публицистикой П. В. Долгорукова. Оба автора резко критиковали финансовое положение России, причем практически в одних выражениях и при-

зывали к введению общественного контроля за бюджетом. Они сопоставляли экономические успехи конституционных государств, в частности, объединенной Италии с неудачами самодержавных стран, таких как Австрийская империя. Различие же заключалось лишь в том, что князь располагал возможностью открыто и резко критиковать русский государственный строй, а Серно-Соловьевич был вынужден прибегать к «эзопову языку». Интересно текстуально сопоставить соответствующие выдержки из статей Долгорукова и вызвавшего его восторженный отклик сочинения Серно-Соловьевича. Это сопоставление полностью подтверждает наш тезис. Выделенный нами отрывок текста был переведен Долгоруковым на французский язык для газеты «La Presse»:

Н. А. Серно-Соловьевич: «Трудно представить себе, чтобы хозяйственное положение страны могло быть в более трудном положении, чем теперь у нас. Поземельного общественного кредита не существует, личный кредит потрясен до основания, чтобы не сказать — уничтожен. Почти нет возможности получить дома или найти кредиторов; для капиталов нет верных помещений; акционерный разгром, упадок цен почти всех общественных бумаг разорил всех, поместивших в них свои деньги, во всех отраслях промышленности и торговли застой; самые солидные дома падают; со всех сторон раздаются жалобы на безденежье, даже на недостаток денежных знаков; монета редка, а между тем торговый баланс требует ввоза ее за границу в огромном количестве; вексельный курс причиняет каждый день громадные потери; начатые предприятия остаются недоконченными, дороговизна возрастает непомерно; невыгоды переходного положения в крестьянском вопросе ежедневно становятся ощутительнее⁴¹. <...> Хотя долги и превышают средства самого правительства, но оно может покрывать их, опираясь на ресурсы страны. Но на них правительство может вполне рассчитывать только в таком случае, когда страна участвовала в заключении дела своим согласием. <...> Эту истину неопровержимо доказывает современное положение кредита различных европейских правительств. Английское правительство не имеет права распорядиться фунтом стерлингов без согласия палаты общин, а кредит его, несмотря на долг в 5 млрд руб. сер. прочнее чьего-либо. В Италии финансы расстроены, последний бюджет представляет

П. В. Долгоруков: «Финансы в расстройстве: частный кредит поколеблен, государственный кредит в полном упадке; в бюджете постоянный дефицит⁴³. <...> Денег нет; кредит государственный подорван; кредит частный исчез; промышленность страждет; торговля в полном упадке⁴⁴. <...> В наше время, народ, платящий подати; сословия, на коих лежит тяжесть государственных повинностей, имеют полное право желать знать, куда расходуются собираемые с них деньги, и наблюдать за расходом этих денег. Право это становится священным в таком государстве, как Россия⁴⁵. <...> Австрия, составленная из народов разноплеменных, неумевшая управлять ими, раздражившая их, с финансами почти в банкротстве, стоит на краю бездны, упорно отвергая разумные средства спасения⁴⁶. <...> Недавно русский царь, имеющий 68 миллионов подданных, владеющий девятою частью земного шара, захотел учинить на главнейших европейских биржах заем в 200 миллионов франков. Что же? Он не нашел занять более 125 миллионов: заем почти в половину не состоялся... В то же время король сардинский, имеющий 13 миллионов подданных, объявил заем в 150 миллионов франков, и охотников явилось в 560 миллионов франков, то есть на сумму, слишком в три с половиною раза

дефицит в 300 млрд фр. (франков — Л. Г.), и тем не менее стоит правительству объявить с разрешения палат заем — он наверно будет без большого труда покрыт, несмотря на то, что всем известно, что полученные суммы употребляются самым непроизводительным образом — на вооружение. В Турции, где у правительства всего 200 млн долга и оно может действовать деспотически, распоряжаясь достоянием всех и каждого, — оно фактически банкрот. Австрийское правительство, также неограниченный распорядитель государственных финансов, накануне вторичного банкротства видело единственное средство спасения в предоставлении стране контроля над финансами. Разбор финансового положения всех других государств дает решительно тот же результат: чем свободнее и непринужденнее контроль над финансовым управлением, тем прочнее государственный кредит»⁴².

превосходящую запрос, не взирая на то, что Сардинии еще вероятно предстоит и кровавая борьба с Австрией и разные политические затруднения. Отчего эта разница? Оттого, что правительство Сардинское конституционное, основано на общественном мнении: прочности его доверяют в чужих краях <...>; русское правительство, самодержавное, основано на личном произволе и придворных интригах; прочности его в чужих краях не доверяют, и богатые капиталисты европейские, люди весьма тонкие и проницательные, от него отворачиваются»⁴⁷.

Призыв к конституционному преобразованию России и недовольство попытками властей сохранить при осуществлении реформ самодержавие — как для Н. А. Серно-Соловьевича, так и для левых либералов, таких как П. В. Долгоруков, — стали той основой, на которой могли быть выдвинуты общие требования. И, действительно, требование установления общественного контроля за финансами вошло в программу оппозиционно настроенных либералов и социалистов в начале 1860-х годов. Пункт о необходимости «вотирования бюджета» был включен в программу изданного в середине 1861 года второго номера прокламации «Великорусс»⁴⁸, призывавшей к созданию широкой конституционалистской коалиции. Тогда же финансовый вопрос превратился в один из аргументов либералов в пользу отказа от абсолютизма. Профессор Петербургского университета А. В. Лохвицкий 24 февраля 1862 года говорил на лекции: «Если вы хотите знать, как велик градус свободы в какой-нибудь стране, то вам стоит только узнать, в какой мере принадлежит подданным право утверждать или отвергать государственный бюджет»⁴⁹. Таким образом прозрачно намекалось на то, что Россия — несвободное государство. Высказывания авторов «Великорусса»

и Лохвицкого по существу совершенно совпадали с суждениями Н. А. Серно-Соловьевича и П. В. Долгорукова.

До самого своего ареста Серно-Соловьевич пользовался активной поддержкой журнала «Отечественные записки», хотя с остальными авторами «Современника» «Отечественные записки» и полемизировали. Солидарность по ключевым вопросам русской жизни либерального издания с видным революционным демократом выразил и как бы подытожил либеральный публицист С. С. Громека в своей публикации 1862 года — «года конституционного кризиса»: «Невольно просятся под перо следующие строки Серно-Соловьевича: «...Рутина страшно сильна. Отделаться от нее есть только один способ: разом и совершенно покончить с нею; иначе она не отвяжется и непременно пересилит нас. Пятилетний опыт попыток всевозможных реформ путем постепенности мог, кажется, убедить нас, насколько годеи этот путь»⁵⁰. Таким образом, социалистов, каким был к середине 1862 года Серно-Соловьевич, и конституционалистов, таких как П. В. Долгоруков и С. С. Громека, объединяло неприятие поэтапных преобразований, проводимых самодержавием, и требование радикальных перемен. Не соглашаясь друг с дру-

гом во всем, что касалось социальных преобразований, эти деятели временно сосредоточивали внимание на том, что их сближало, на политическом устройстве государства, главным здесь было устранение абсолютизма.

На наш взгляд, рассмотренные факты свидетельствуют о том, что окон-

чательное размежевание либерализма в его наиболее радикальных проявлениях и революционной демократии в России произошло не, как традиционно считается, в 1861 году, одновременно с крестьянской реформой, а позднее, очевидно, в середине 1860-х годов.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Баренбаум И. Е.* Штурманы грядущей бури. Н. А. Серно-Соловьевич, Н. П. Баллин, А. А. Черкесов. М., 1987. С. 69–70.; *Ермолаев И. Н.* Жизнь и борьба князя П. В. Долгорукова (1816–1868). Псков, 2001. С. 181.

² Из бумаг редакции «Колокола». Письмо NN, депутата редакционной комиссии по крестьянскому делу <Кошелев А. И. — Герцену А. И.> // *Вольное слово* 1883. № 58. 1 апреля. С. 10.

³ Кавелин К. Д. — Герцену А. И. 18 апреля 1862 // *Письма К. Дм. Кавелина и Ив. Тургенева к Ал. Ив. Герцену*. С объяснительными примечаниями М. Драгоманова. Женева, 1892. С. 47.

⁴ Кавелин К. Д. — Герцену А. И. 11 июня 1862 // Там же. С. 59.

⁵ *Феоктистов Е. М.* За кулисами политики и литературы (1848–1896). Воспоминания. М., 1991. С. 305.

⁶ *Стремоухов П. Д.* Заметка одного из депутатов первого призыва // *Русская старина*. 1900. № 4. С. 143.

⁷ Там же.

⁸ *Павлов Н. Ф.* Итальянский вопрос // *Русский вестник*. 1859. Т. 22. № 7. С. 74.

⁹ *Унковский А. М.* Записки // *Русская мысль*. 1906. № 7. С. 95.

¹⁰ Подробнее о феодально-аристократической тенденции русской общественной мысли см.: *Христофоров И. А.* «Аристократическая» оппозиция Великим реформам (конец 1850-х — середина 1870-х годов). М., 2002.

¹¹ *Маркс К.* Вопрос об отмене крепостного права в России // *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. 2-е изд. М., 1958. Т. 12. С. 608.

¹² *Никитенко А. В.* Дневник. Т. 2. М., 1955. С. 82.

¹³ <*Дудышкин С. С.*> *Русская литература*. // *Отечественные записки*. 1860. Т. 135. № 3. С. 130.

¹⁴ Реформа сверху или реформа снизу? // *Колокол*. 1858. 15 нояб. Л. 28. С. 226.

¹⁵ Там же. С. 227.

¹⁶ Там же. С. 226.

¹⁷ *Герцен А. И.* Старый мир и Россия // *Собр. соч.*: В 30 т. М., 1956. Т. XII. С. 197.

¹⁸ *Герцен А. И.* Примечание // *Собр. соч.*: В 30 т. М., 1958. Т. XIII. С. 433.

¹⁹ <*Серно-Соловьевич Н. А.*> Проект действительного освобождения крестьян // *Голоса из России*. 1860. Кн. VIII. С. 133.

²⁰ *Корнилов А. А.* Курс истории России XIX века. М., 1993. С. 237.

²¹ <*Серно-Соловьевич Н. А.*> Проект действительного освобождения крестьян // *Голоса из России*. 1860. Кн. VIII. С. 133.

²² *Долгоруков П. В.* Правда о России, высказанная князем Петром Долгоруковым: В 2 т. Париж. 1861. Т. 1. С. 96–97.

²³ Там же. Т. 2. С. 10.

²⁴ *Герцен А. И.* La verite sur la Russie (par le prince Pierre Dolgoroukoff, Paris, 1860) // *Собр. соч.*: В 30 т. М., 1958. Т. XIV. С. 263–264.

²⁵ *Володарский И. Б.* К истории формирования общественно-политических взглядов Н. А. Серно-Соловьевича. Из писем к А. А. Серно-Соловьевичу // *Революционная ситуация в России в 1859–1861 гг.* М., 1970. Т. 5. С. 352.

- ²⁶ Долгоруков П. В. О перемене образа правления в России // Будущность. № 21. 1861. 21 окт. С. 162.
- ²⁷ Шилов А. А. Арест М. И. Михайлова и суд над ним // Русское прошлое. 1923. Вып. 2. С. 142.
- ²⁸ <Громека С. С.> Современная хроника России // Отечественные записки. 1860. Т. 132. № 10. С. 40.
- ²⁹ Государственный архив Российской Федерации. Ф. 109. Секретный архив. Оп. 4. Д. 109. Л. 1–2; 4.
- ³⁰ Там же. Л. 3.
- ³¹ Долгоруков П. В. Книжка Константина Сергеевича Аксакова // Будущность. 1861. 4 авг. № 15. С. 118–119.
- ³² Долгоруков П. В. Третий лист Великорусса // Будущность. 1861. 4 дек. № 23. С. 181–183.
- ³³ Долгоруков П. В. Книжка Константина Сергеевича Аксакова // Будущность. 1861. 4 авг. № 15. С. 119.
- ³⁴ Sliwowska W. Dwa nieznane epizody z życia emigranta Piotra Dolgorukowa // Przegląd historyczny. 1967. № 2. S. 302–306.
- ³⁵ Там же. С. 306.
- ³⁶ Долгоруков П. В. Рескрипт князю Алексею Федоровичу Орлову, или официальные туры на колесах // Будущность. 1861. 28 февр. № 8. С. 62; Долгоруков П. В. О новых русских книгах // Правдивый. 1862. 12 мая. № 3. С. 20.
- ³⁷ Dolgorouikov P. Des reformes en Russie. Paris-Bruxelles. 1862. P. 281–282.
- ³⁸ Огарев Н. П. — Шелгунову Н. В. // Огарев Н. П. Избранные социально-политические и философские произведения: В 2 т. М., 1956. Т. 2. С. 454.
- ³⁹ Альбертини Н. В. Автору «полемиических красот» // Отечественные записки. 1861. Т. 137. № 8. С. 75.
- ⁴⁰ <Розенгейм М. П.> Заметки празднующающегося // Там же. С. 92.
- ⁴¹ Серно-Соловьевич Н. А. Размышления по поводу статьи Г. Шилля о государственном или земском заемном банке // Серно-Соловьевич Н. А. Публицистика, письма. М., 1963. С. 68.
- ⁴² Долгоруков П. В. Программа журнала // Будущность. 1860. 15 сент. № 1. С. 1.
- ⁴³ Долгоруков П. В. Что видим мы в России // Листок, издаваемый князем Петром Долгоруковым. 1863, май. № 6. С. 42.
- ⁴⁴ Долгоруков П. В. Правда о России... Т. 2. С. 107.
- ⁴⁵ Долгоруков П. В. Что предстоит России? // Будущность 1860. 15 сент. № 1. С. 4.
- ⁴⁶ Там же. С. 86–87.
- ⁴⁷ Там же. С. 4–5.
- ⁴⁸ Великорусс № 2 // Чернышевский Н. Г. Письма без адреса. М., 1983. С. 309.
- ⁴⁹ Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Ф. 208. Д. 98. Л. 132.
- ⁵⁰ <Громека С. С.> Современная хроника России // Отечественные записки. 1862. Т. 142. № 5. С. 36.

L. Gusman

N. A. SERNO-SOLOVIEVITCH AND RUSSIAN CONSTITUTIONALISM IN THE EARLY 1860s

The article is dedicated to the insufficiently explored episode of the Russian public thought of the 1860s — the ideological relationship of N. A. Serno-Solovievich, the famous publicist of revolutionary and democratic orientation with the famous emigrant P. V. Dolgorukov, a liberal and constitutionalist. The article contains the illegal letter of Dolgorukov to Serno-Solovievich which is published for the first time and contains detailed analysis of the content of the document as well as public and political context which it enters.

The author also proves, based on the sources that have not been published before, that the beginning of the 1860s was not only the time of the resolute demarcation of the Russian «educated class» into liberals and revolutionary democrats, but also a period of constant though unsuccessful attempts to smooth these differences for the sake of the mutual goal — the struggle with autocracy. In the author's opinion, the tendency to create such a coalition was the real motivation of the relationship between Dolgorukov and Serno-Solovievich.